

СОВРЕМЕННОЕ РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО

УДК 122/129; 316

DOI 10.23683/2227-8656.2019.1.1

ПОЛИТИЧЕСКИЙ РЕАЛИЗМ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРАГМАТИЗМ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

POLITICAL REALISM AND POLITICAL PRAGMATISM IN INTERNATIONAL RELATIONS

Добренков Владимир Иванович

Доктор философских наук, профессор,
завкафедрой истории и теории социологии
Московского государственного
университета,
г. Москва, Россия,
e-mail: vladimiro040239@mail.ru

Vladimir I. Dobrenkov

Doctor of Philosophical Sciences, Professor,
Head of the Department of History
and Theory of Sociology,
Moscow State University,
Moscow, Russia,
e-mail: vladimiro040239@mail.ru

В статье анализируются политический реализм и политический прагматизм в контексте развития международных отношений. Исследуются принципы политического реализма, анализируется специфика политического прагматизма. Изучается взаимосвязь политического реализма и политического прагматизма. Выявляются три истока и составные части американского политического прагматизма. Делается вывод о том, что прагматизм и реализм могут стать самым эффективным ответом на современные вызовы, если ими правильно распорядиться как инструментом международной политики.

Ключевые слова: политический реализм; политический прагматизм; международные отношения; Россия.

The article analyzes political realism and political pragmatism in the context of international relations. The principles of political realism are investigated, the specificity of political pragmatism is analyzed. The relationship of political realism and political pragmatism is studied. Three sources and components of American political pragmatism are revealed. The author concludes that pragmatism and realism can be the most effective response to modern challenges, if properly disposed as the instrument of international policy.

Keywords: political realism; political pragmatism; international relationships; Russia.

Введение

Провозвестником политического реализма часто считают Н. Макиавелли. Макиавелли прославляет инструментальность в государственном строительстве, подход, который воплощен в известной поговорке: «цель оправдывает средства». Он советовал нынешним правителям строить власть одновременно на любви и страхе: первая для своих, второй для чужих. Согласно Макиавелли, отношения, основанные на страхе, продолжаются дольше, так как индивид должен добровольно подвергнуть себя санкциям перед окончанием взаимоотношений. Чтобы быть эффективным, он должен иногда жертвовать краткосрочными отношениями (любви) ради долговременного уважения (страха), если его интересуется развитие и рост людей, с которыми он работает. Лидер должен быть осторожен, если он хочет, чтобы страх не перешел в ненависть. Для ненависти характерно открытое поведение в терминах отношения, разрушения и стремления ниспровергнуть (Hersy, 1972. P. 93).

И еще одно правило: предусмотрительный правитель не должен выполнять все свои обещания. Он обязан сделать это лишь в том случае, если неисполнение наносит ему вред. Подобный совет, возможно, звучит безнравственно, но только там, где все люди честны и добросовестны. Но мы-то знаем, что в большинстве своем подданные не особенно заботятся о выполнении распоряжений государя. Значит, и государь может не быть особенно щепетильным в выполнении своих обещаний. Добиваясь власти, он расточает обещания налево и направо, пытаясь снискать любовь и преданность подчиненных. Но оставаться добрым слишком долго – неимоверно тяжкий груз. Быть добрым – значит, дать еще одно обязательство, стать зависимым от подчиненных (Masters, 1996). А там, где есть зависимость, возникают нерешительность, малодушие и легкомысленность, т. е. качества, недопустимые для руководителя. Народ презирает в первую очередь малодушных, а не жестоких. Зависимый государь не способен быть твердым и алчным, он неизбежно добр. Однако заслужить ненависть за добрые дела так же легко, полагает Макиавелли, как и за дурные. Вывод: чтобы удержать власть, надо быть порочным.

Насилие необходимо для успешной стабилизации власти и внедрения новых правовых институтов. Силы могут быть использованы для устранения политических конкурентов, принуждения народа к подчинению властям или очищения общества от преступников или врагов. Политика у Макиавелли всегда шла впереди морали. Макиа-

велли иногда рассматривается как прототип современного эмпирического ученого, строившего обобщения на опыте и исторических фактах, подчеркивавшего бесполезность теоретизирования, которое сродни воображению (Fischer, 1997). В лице Макиавелли социология и политология обрели новое измерение, они стали наукой о поведении людей в обществе. Учение Макиавелли сегодня принято квалифицировать как *политический реализм*.

Принципы политического реализма

Принципы радикального политического реализма, который оправдывает любые средства, если они служат крепкими лесами и средством консолидации власти, процветали, вероятно, во все времена. В то время как христианство считало скромность добродетелью, а гордость – грехом, Макиавелли придерживался скорее светских позиций, приписывая здоровые амбиции, карьеризм, стремление к славе естественным свойствам человека, особенно лидера. Его идеи дали жизнь современной социологической теории элит (В. Парето, Э. Дженнинг, Г. Моска, Ч.Р. Миллс), повлияли на автора теории менеджерской революции Дж. Бернхайма, возглавившего макиавеллистское направление. На него как на авторитет и предтечу ссылаются теоретики бюрократии (М. Вебер, Р. Михельс), коррупции (С. Хантингтон), постиндустриального общества и политического прогнозирования (Д. Белл, Г. Кун, Э. Винер), наконец, задолго до О. Конта он выдвинул идею общественного консенсуса. Его идеи оказали влияние на таких крупных философов, как Монтень, Декарт, Ф. Бэкон, Спиноза, Руссо, Юм, Гоббс, Локк и Монтескье, А. Смит. В XX в. итальянский коммунист А. Грамши черпал вдохновение из сочинений Макиавелли по вопросам этики и морали, их отношения к государству и революции. Они использовались в его работах о пассивной революции и при объяснении того, как обществом можно манипулировать, контролируя популярные представления о морали (Landy, 2002). И. Сталин прочитал «Государя» и аннотировал своими пометками собственную копию книги (Service, 2004).

Сегодня принято считать, что парадигма политического реализма основана на взглядах Фукидида, Н. Макиавелли, Т. Гоббса, геополитических теориях Ф. Ратцеля и Х. Маккиндера, а сам факт появления политического реализма на сцене современного политического дискурса связывают с выходом книги Г. Моргентхау «Политические отношения между нациями. Борьба за власть и мир» (Morgenthau, 1984).

Ключевой категорией политического реализма является понятие

интереса, определенного в терминах власти. Иными словами, если государственные интересы США распространяются на все регионы мира, то, имея соответствующую власть и силу, необходимо их защищать и отстаивать, невзирая ни на что. Глобальную политику США, пренебрегающую международным правом и государственными границами, можно назвать даже *политическим трансреализмом*. Тезис Моргентау о том, что в политическом реализме теория должна опираться на точные факты, а не философские домыслы, преобразовался спустя 60 лет в принцип: для США факты (соответственно, и их интерпретация) – это только то, что они считают фактами, и неважно, что при этом думают другие страны. Скажем, военное присутствие США в других странах подается не как интервенция, а как помощь и гарантия безопасности.

С точки зрения теоретиков политического реализма, расширение НАТО – это попытка распространить западное влияние далеко за рамки традиционной сферы жизненно важных интересов США, пользуясь периодом российского ослабления. Реализм был доминирующей теоретической традицией на протяжении всей холодной войны. Классические реалисты, такие как Г. Моргентау и Р. Нибур, считали, что у государств, как и у людей, есть врожденное желание доминировать над другими, что привело их к борьбе с войнами. Моргентау подчеркивает достоинства классической многополярной системы баланса сил и видит биполярное соперничество между Соединенными Штатами и Советским Союзом как особенно опасную ситуацию. Напротив, теория неореалистов, выдвинутая К. Нальнем, игнорировала человеческую природу и фокусировалась на воздействии международной системы. Для Вальта международная система состоит из ряда великих держав, каждая стремится выжить в одиночку. Он утверждает, что это условие приведет к ослаблению сил борющихся против глобального монополиста и не выявит победителя при столкновении с более мощными соперниками. Вопреки Моргентау, он считал, что биполярность была более стабильной, чем многополярность (Walt, 1998).

Эти ученые утверждают, что война была более вероятной, когда государства могли легко побеждать друг друга. Однако когда защита становится сильнее нападения, гарантии безопасности возрастают, а стимулы к расширению сокращаются и сотрудничество расцветает. Но если защита имеет преимущество, тогда государства могут выбирать между наступательным и оборонительным оружием, в результате они смогут приобретать такие мощные средства защиты, которые не угрожают другим. Государства, согласно взглядам приверженцев полити-

ческого реализма, просто стремятся выжить, а великие державы могут гарантировать свою безопасность путем формирования балансирующих сил противников альянсов, выбирая оборонительные военные позы (например, ответные ядерные силы). Неудивительно, что Вальт и большинство других неореалистов считают, что Соединенные Штаты были безопасны в течение большей части холодной войны (Walt, 1998). Реалисты, такие как Дж. Грико и С. Краснер, указывают, что анархия вынуждает государства беспокоиться как об абсолютных завоеваниях от сотрудничества, так и о том, как они распределены между участниками. Логика проста: если одно государство получит больше прибыли, чем его партнеры, оно постепенно станет сильнее, а его партнеры в конечном итоге станут более уязвимыми. Реалисты предупредили, что НАТО, не имея ясного врага, вероятно, столкнется с усилением напряженности на Востоке, если поставит под угрозу отношения с Россией. Наконец, такие ученые, как М. Мастандуно, утверждают, что внешняя политика США в целом согласуется с реалистическими принципами, поскольку ее действия по-прежнему направлены на сохранение лидерства США в поддержании послевоенного порядка, который продвигает американские интересы (Walt, 1998).

«Оборонительные» реалисты, такие как Вальт, Ван Эвера и Дж. Снайдер, предполагают, что государства не проявляют сильного интереса к военному завоеванию, поскольку затраты на расширение перевешивают выгоды от него. Великие войны происходили во многом потому, что группы властной элиты преувеличивали внешнюю угрозу и уповали на эффективность военной силы. Теперь это мнение оспаривается по нескольким направлениям. Как отмечает Р. Швеллер, государства стремятся сохранить свой статус-кво, потому что это исключает угрозу реванша со стороны таких стран, как Германия эпохи А. Гитлера или Франция времен Н. Бонапарта, которые «ценят то, что они могут приобрести гораздо больше, чем то, что у них есть», и готовы рисковать уничтожением других для достижения своих целей. Снайдер, Дж. Фриден и Х. Милнер изучили, как национальные группы по интересам могут искажать формирование государственных предпочтений и приводят к субоптимальному международному поведению (Walt, 1998).

П. Либерман в своей книге «Завоевание заработной платы» использует ряд исторических примеров, таких как нацистская оккупация Западной Европы и советская гегемония над Восточной Европой, чтобы показать, как выгоды от завоевания перевешивают затраты, тем самым ставя под сомнение утверждение о том, что военные расширения

больше не являются экономически эффективными. Мирсхаймер считает, что анархия заставляет великие державы конкурировать независимо от своих внутренних характеристик и что конкуренция в области безопасности вернется в Европу, как только США прекратят свою помощь. Т. Бергер и П. Каценштейн использовали культурные переменные, чтобы объяснить, почему Германия и Япония до сих пор избегали более самостоятельной военной политики; Э. Кир предложила культурную интерпретацию британских и французских военных доктрин в межвоенный период; и Лэнстон прослеживает преемственность в китайской внешней политике глубоко укоренившейся формы культурного реализма. Снайдер и Э. Мэнсфилд отмечают, что государства более склонны к войне, когда они находятся на пике демократического перехода, что подразумевает, что попытки экспортировать демократию могут действительно ухудшить ситуацию. К. Лейн указывает, что, когда демократические государства приближались в прошлом к войне, их решение сохранять мир или нет в конечном счете мало зависело от того, демократические они государства или нет. Четкие доказательства того, что демократические государства не сражаются друг с другом, ограничены узким периодом времени после 1945 г., и, как подчеркнул Дж. Гова, отсутствие конфликта в этот период может быть больше связано с их общим интересом к сдерживанию Советского Союза, чем с общими демократическими принципами (Walt, 1998).

Сторонники либеральной политической мысли утверждают, что экономическая взаимозависимость будет препятствовать использованию сил государств друг против друга, потому что война угрожает процветанию каждой стороны. Они уверяют, что демократические государства по своей сути более мирные, чем авторитарные страны. Международные институты, такие как Международное энергетическое агентство и Международный валютный фонд, могут помочь преодолеть эгоистичное поведение государств, главным образом поощряя их отказаться от кратковременных выгод ради больших преимуществ долговременного сотрудничества. Либерализм видит государства в качестве центральных игроков в международных делах (Walt, 1998).

Либералы настаивают на том, что, несмотря на то что демократии «дружат» с войнами так же часто, как и другие государства, они редко, если вообще когда-либо, сражаются друг с другом. М. Дойл, Дж. Ли Рэй и Б. Руссетт полагают, что демократические государства принимают нормы компромисса, которые препятствуют применению силы в отношении групп, поддерживающих аналогичные принципы.

Убеждение в том, что «демократические государства не сражаются друг с другом», послужило важным оправданием усилий администрации Клинтона по расширению сферы демократического правления и экспорта демократии по всему миру. По иронии, вера в демократический мир стала основой агрессивной политики США. Ряд либерально настроенных ученых уверяют, что глобализация мировых рынков, рост транснациональных сетей и неправительственных организаций, быстрое распространение коммуникационных технологий подрывают власть авторитарных государств и отвлекают их внимание от военной безопасности к экономике и социальному обеспечению. Такая перспектива подразумевает, что война останется отдаленной возможностью среди развитых индустриальных демократий. Приведение Китая и Россия в объятия мирового капитализма – лучший способ содействовать процветанию и миру, особенно если этот процесс создает здесь сильный средний класс и усиливает демократизацию. Привлеките эти общества к процветанию, и конкуренция будет ограничена не военной, а экономической сферой. У них есть объяснение: бывший президент СССР М. Горбачев революционизировал советский строй потому, что принял новые идеи, такие как общая безопасность и европейские ценности.

Марксистская теория рассматривала капитализм как центральную причину международного конфликта. Капиталистические государства боролись друг с другом за прибыль, сражавшиеся социалистические государства видели в них семена собственного разрушения. Неомарксистская теория зависимости, напротив, была сосредоточена на отношениях между развитыми капиталистическими державами и менее развитыми государствами. Она утверждает, что первым помогает нечестный союз с господствующими классами развивающегося мира, который вырос благодаря использованию последних. Решением было свержение этих паразитических элит и установление революционного правительства, приверженного идеям автономного развития (Walt, 1998).

Политический прагматизм и его специфика

Можно отметить следующий ход американской эволюции. Как и положено, политический прагматизм ставит реальность выше идеологии. США всегда обвиняли СССР в обратном, всякий раз требуя от него признания объективных фактов, которые якобы обличают его во множестве политических грехов. Однако сегодня, анализируя совет-

скую историю, ученые обнаруживают, что объективные факты обе стороны – СССР и США – искажали почти в равной мере. Тем не менее именно США выставляют себя единственным апостолом истины, а Россию и сегодня обвиняют во всех своих бедах. Когда Д. Сяопин объявил политику «открытых дверей» (псевдолиберализацию страны), его либеральные критики поставили под сомнение искренность такого шага со стороны лидера коммунистической страны. Он ответил им: «Неважно, является кошка черной или белой, если она ловит мышей, это хорошая кошка».

Прагматическая выгода для любого политика – максимизировать выгоды и минимизировать затраты. Идеология может помочь стандартизировать способ расчета затрат и выгод путем предоставления объектива, с помощью которого можно рассматривать мир, а не произвольный метод присвоения ценностей затратам и выгодам. Например, в экономике разные школы мысли присваивают разные ценности эффективности и справедливости. Капиталисты утверждают, что эффективность является гораздо большей выгодой для общества, тогда как марксисты утверждают, что справедливость должна быть главной экономической целью общества. Идеология – систематически скоординированная и когнитивно значимая совокупность политически ориентированных убеждений (Walt, 1998). Идеология далеко не всегда строится на логике принятия рациональных решений, а часто ей противоречит, выдвигая на первое место эмоции, предпочтения, претензии и ценности.

Иногда политический прагматизм равнозначен предательству, трусости, отказу от собственной точки зрения. Когда США навязали России экономические санкции, все правительства зависимых от них западных стран взяли под козырек и присоединились к общей травле России. Так поступают прагматики, не желающие ссориться с всемогущим покровителем, даже если санкции наносят самой Европе многомиллиардный ущерб и противоречат принципам как ВТО, так и демократии в целом. В конечном счете расплачиваться за американские санкции придется европейским компаниям и потребителям.

Если речь идет о международном праве, то почему США единолично накладывают санкции на какую-либо страну? Есть ли у них такое право на самом деле или нет, кто уполномочил Америку от имени мирового сообщества? А если у США нет такого права и полномочий, то почему страны подчиняются? Ответ весьма прост: потому что им это также выгодно. Называется такая политика протекционизм, т. е. всяческое ограждение своих корпораций от ино-

странной конкуренции плюс стремление переделить рынки и сферы экономического влияния. Соединенные Штаты Америки уже давно нарушают международное право и решают вопросы так, как это выгодно им. Они думают только о своем благополучии и выгоде. Видимо, США рассматривают Западное полушарие как свою заповедную зону, границы которой надо постоянно отодвигать на восток. Отсюда откровенный обман в международных отношениях по отношению к России по вопросам расширения НАТО, втягивание бывших постсоветских государств в антироссийскую политику. Именно США опутали территорию России огромной паутиной НКО, открыто занимающихся политической деятельностью, направленной на свержение существующего строя. И. Ильин в статье «Мировая политика русских государей» очень точно отметил: «Европе не нужна правда о России, ей нужна удобная о ней неправда. Европейцам нужна дурная Россия: варварская, чтобы цивилизовать ее по-своему, угрожающая своими размерами, чтобы ее можно было расчленивать; реакционная, чтобы оправдать для нее революцию и требовать для нее республики; религиозно-разлагающаяся, чтобы вломиться в нее с пропагандой реформации или католицизма; хозяйственно-несостоятельная, чтобы претендовать на ее сырье или по крайней мере на выгодные торговые договоры и концессии».

Почему нельзя произвольно толковать или отвергать холокост, а Нюрнбергский процесс и роль России можно? Потому что в мировой политике действуют двойные стандарты. За отрицание холокоста введена уголовная ответственность, а сам факт непризнания подвергается широкому общественному осуждению в мире. От нацистов больше всех пострадала Россия, и потому можно забыть о злодеяниях фашизма, как стали забывать о роли СССР в его разгроме. Все, что связано с нашей страной, находится в западном мире на периферии сознания.

Взаимосвязь политического реализма и политического прагматизма

По идее политический реализм должен строиться на базе прагматизма, т. е. в рамках анализа затрат-выгод, а в ситуациях, когда соблюдение идеологии приводит к большему увеличению альтернативных издержек, чем отклонение от нее, политики должны идти на компромисс с ее принципами в пользу максимизации выгоды.

Для большинства политических проблем, которые не имеют однозначного решения, а требуют компромиссов и промежуточных ша-

гов, чистый прагматизм непрактичен. Он применяется в равной степени, если не больше, как критика догматизма. Некоторые проблемы гораздо более резко очерчены, чем другие, но в конечном счете ни одно политическое мировоззрение и ни одна идеология не имеют лицензии на абсолютную истину.

На политическом континууме всегда будут существовать акторы с разной идеологией, которые далеко не всегда и не во всем станут соглашаться друг с другом. Но они должны соревноваться в гонке посередине континуума, а не на его периферии с противоположными решениями. Вывод такого подхода – это «синкретическая политика», идея о том, что законодатели должны отказаться от традиции конфронтации левого и правого политического спектра в пользу объединения промежуточных решений с обеих сторон, выгодных для общества.

В момент своего появления у прагматизма сложилась репутация ясного мышления и деловитости. Прагматизм означает решение проблем в практическом плане, а не с помощью теории или абстрактных принципов. Иначе говоря, руководство практическими последствиями, а не теорией или догмами. Но политики никогда и не решали проблемы иначе, хотя при этом придерживались определенных мировоззренческих принципов. В таком случае формальное определение прагматизма не дает ничего нового, но лишь описывает сложившуюся политическую практику.

В эпистемологическом плане прагматизм обозначает учение о том, что содержание концепции состоит только в ее практической применимости. Ч. Пирс предлагал считать мышление приспособительным видом деятельности организма, противоположным познавательной. В современной науке – социальной и естественной – такой принцип не действителен, так как наука имеет дело, помимо прочего, с ненаблюдаемыми переменными и скрытыми факторами. Здесь познание, а не приспособление стоит на первом месте. Положение о том, что истина состоит не в соответствии с фактами, а в успешной согласованности с опытом либо приспособлении к нему, уничтожает возможность и необходимость экспериментальной перепроверки совершенного открытия в иных условиях проведения повторных экспериментов в случае, если первый не дал нужного результата. В политическом плане прагматизм означает неметафизическую форму политического мышления и деятельности, которую противники отвергают как наивную форму инструментализма, которая предлагает только самодовольное понимание политики.

Во втором десятилетии XXI в. наблюдается третья волна интереса к прагматизму в мировой, особенно западной, политике (первые две наблюдались в XIX и XX вв.). С каждой следующей волной, с каждым следующим ренессансом прагматизма добавлялось что-то новое в понимание его основ или практику применения. Думается, что нынешнее, третье рождение политического прагматизма/реализма должно иметь не внутринациональный, а поистине международный и даже глобальный характер. Сегодня, как нам думается, он должен исходить из базового положения о том, что в мире существует не одна-единственная истина, монополизированная ведущей державой, а несколько разных принципиальных позиций, от которых их правообладатели никогда не откажутся и с существованием которых надо смириться. Признав идеологическую мозаичность политического мира как объективную реальность, можно дальше выстраивать свою линию поведения, осторожно прокладывая ее между границами соседних зон, а не вторгаясь в их пределы и не навязывая другим свою волю.

Прагматизм и реализм могут стать самым эффективным ответом на современные вызовы, если ими правильно распорядиться как инструментом международной политики. Они как нельзя лучше соответствуют демократическому духу нашего времени, плюрализму мнений и принципам мультикультурализма. Уважайте других как самих себя – вот девиз подлинной, а не выдуманной политики в глобальную эпоху.

Прагматики, опираясь на работы Ч. Пирса, предлагают своего рода эпистемологическую демократию, представляющую собой эпистемическую модель демократической мысли, в которой сограждане вправе задавать любые вопросы властям и требовать ответа, равно как вести непринуждённый диалог между собой в открытом формате обмена мыслей. Если факты ценятся выше теории, то мы, граждане глобального общества, вправе подвергать сомнению любые догмы, в том числе и прежде всего самые основополагающие – либеральные и неолиберальные, как в свое время подвергали сомнению и отвергали догмы марксизма. Критика либеральных принципов как нормативных догматов должна лежать в основе политического реализма и политического диалога, которые всегда исходили и будут исходить из первоочередности факта, а не теории. Возможно, что скоро мы будем говорить о наступлении новой эпохи – *эпохи неопрагматики* в политике, как в начале 1990-х гг. говорили о наступлении эры неолиберализма. Неопрагматизм может выполнить функцию моста между разными, в том числе несовместимыми, политическими традициями, между Востоком и Западом. Только так может выявиться и реализоваться истинный смысл

глобального – поверх барьеров и границ. Лучше и правильнее вести политические дебаты в теоретическом пространстве, чем военные баталии в реальном пространстве.

Три истока и составные части американского политического прагматизма

Прагматизм всеяден, и он хорошо абсорбируется с реализмом, прагматизмом, материализмом, либерализмом, рыночной идеологией, экономическим рационализмом, цинизмом. Такая совместимость позволяет ему мимикрировать под разные лейблы, а другим идейным направлениям – маскироваться под него.

В позитивизме наука заменяет собой философию, теория ничто без опыта, в прагматизме теория растворяется в опыте и вырастает из него, отбрасывая всякое теоретическое априори. Оба они борются с догматикой и схоластикой, выдуманным, надуманным и иллюзорным, оба выступают против объективности нравственных норм и ценностей, считая их относительными нашей культуры, чувства и мысли. Прагматизм – философия действия – уравнивает истину с успехом и выгодой. Понятия и теории – инструменты практической деятельности и, как сопутствующая нагрузка, познания. Человеческая сущность – в действии через жизненную практику и повседневный опыт. У О. Конта наука превратилась в средство проектирования успешных действий по достижению определенных целей заинтересованного субъекта, инструмент создания светлого будущего всего человечества. Конт призывал к созданию нового типа социализма, при котором сплоченность общества достигалась всеобщим стремлением всех людей к идеалам науки, превращением научного знания в новую разновидность религии. Жрецами современного общества должны были выступить ученые, вооруженные позитивным знанием об устройстве общества. Позитивизм начинает играть у Конта, вопреки его собственным намерениям, двойную роль: он выполняет роль новой философии (сциентизма) и одновременно новой гуманистической религии.

При более глубоком анализе можно обнаружить сродство прагматизма не только с позитивизмом, но также с марксизмом. Контский вариант социологии называют позитивистским за его склонность не разрушать, а созидать общество, опираясь на точные факты и научные прогнозы, предварительно подвергнув критике догматическое богословие и метафизику. Марксистский вариант социологи именуют критической социологией за ее склонность подвергать все сомнению и пересматривать самые основы общества, полагаясь на умозрительные

конструкции. Еще раньше древнегреческий философ Платон призывал установить над обществом власть просвещенных философов, которые также были бы вооружены всеми необходимыми знаниями, но вдобавок и определенным образом воспитанные. Но разве к этому призывают сегодня либералы-прагматики из Вашингтона и Брюсселя, навязывая всему миру наилучшее демократическое устройство общества и перевоспитание людей на основе общечеловеческих ценностей? Конечно, прежде чем импортировать западные ноу-хау, надо почти до основания разрушить старый, авторитарный уклад жизни.

Создатель социальной теории конфликта К. Маркс быстро переходил от слов к делу. Не воспринимая утопического проекта переустройства общества, созданного О. Контом (к которому, надо сказать, он испытывал большую неприязнь), Маркс разработал практическую технологию свержения власти, разрушения буржуазного общества и возведения на этом фундаменте всемирного социалистического общества – Интернационала. В истории новоевропейской социально-экономической мысли эта школа представляет явление экстраординарное. Опираясь на лучшие достижения классической социально-философской мысли – французскую просветительскую философию, французский и английский утопический социализм, немецкую классическую философию и английскую политэкономиию, марксизм в то же время резко отвергал все интеллектуальные традиции, предлагая свой, леворадикальный проект переустройства общества. Но тем же путем двигался и Конт, порывая с классической философской традицией ради новой опытной традиции естествознания при разработке проекта нового общества. По сути, и американский прагматизм в конце XIX в. не миловал тысячелетнюю историю высоколобой и достаточно абстрактной традиции европейской философии, провозгласив приоритет практического действия и сиюминутной выгоды. И прагматики призывали, подобно позитивистам и марксистам, к критике, ревизии и переустройству. Все они выступали против теологии, метафизики и догматизма ради реализма и практического подхода к делу. Так что у американского политического прагматизма три составные части: прагматизм, позитивизм и марксизм.

В новых условиях сама жизнь подталкивает нас к новому типу мышления – к реализму, который важен в международной политике. Реализм в области человеческого общества не может быть, однако, таким же, как в сфере естественных наук. Общество состоит не из предметов, не из вещей, частиц или животных, оно состоит из человеческих существ. А это совсем иной мир. Реальность человека – особая сфера, поэтому и реализм при изучении человеческих обществ, при осмыслении их взаимодействий

и конфликтов должен быть особым. В реальность человека заложено не только то, чем он является и чем он был, но и то, чем он будет. Человек несет в себе открытый проект как неотъемлемую часть своего существа. Человек в большинстве общественных вопросов и отношений конституирует себя как человека политического, и его реальность становится политической. Поэтому реализм в осмыслении человеческих обществ, особенно в сфере международных отношений, можно назвать политическим реализмом. В такой реальности есть не только то, что уже сейчас наличествует, но и то, что будет создано завтра, так как человек, наделенный волей, сознательно созидает это завтра. Поэтому политический реализм захватывает не только описание положения дел сегодня, но и прогноз и даже исторический императив того, что должно быть осуществлено в будущем. Всякий прогноз, как показал социолог Р. Мертон, является в чем-то «самосбывающимся пророчеством» – люди, прогнозируя то, что, вероятно, случится в будущем, сознательно или неосознанно либо желают, либо боятся этого (или и то и другое вместе). Поэтому политический реализм не означает модных претензий на беспристрастность и дистанцию, но трезво мыслит соотношение желательного и возможного, смотрит в глаза опасностям и открывающимся перспективам, не дает себя запугать чужими или успокоить собственными мифами. Во внешней политике нам нужен именно такой спокойный и рациональный реалистичный подход – политический реализм.

Заключение

Сегодня Россия, с учетом реальностей в политической расстановке сил, должна четко обозначить цели в проведении последовательного геополитического курса. Самое главное при этом – учитывать, что США не изменили и не хотят менять стратегического курса внешней политики на установление гегемонии и мирового контроля под своей эгидой. Мы слишком рано выбросили из своего лексикона понятие «противник». Нужно честно и ясно сказать, что у России есть противники, и первый среди них – США.

В любой политической области всегда очерчиваются горизонты желаемого. Модальность воли составляет фундаментальную черту человеческого общества, человека как такового. Человек – существо, наделенное волей, воля же есть стремление сделать то, чего нет; создать то, что еще не создано; построить то, что еще никогда не было построено или что пока не построено. В философии это называется принцип *impossibilia* – достижение невероятного, невозможного, утопического. Но именно стремление к неве-

роятному движет человеком на протяжении всей его истории. Конечно, есть грезы пустые, а есть – чреватые будущим, насыщенные миром, которого еще нет, но который вот-вот вырвется наружу посредством человеческих свершений. Есть живая и действенная мобилизующая ностальгия по тому, что было и что снова может стать реальностью, а есть вялые мечтания усталых и опустивших руки людей. Воля превращает мечту в проект, программу, план действий и в конечном счете в реальность.

Описанные нами ориентиры международной политики потребуют определенных усилий – и от власти, и от общества, и от политиков, и от ученых. Прагматический лозунг – ничего невозможного нет – это есть политический реализм: в котором, конечно, есть место мечте, простор для воображения, пространство для прикладывания усилий, подвига, свершений, пассионарности, но она соотнобразуется с существующими реалиями, трезво оценивает возможности и ресурсы, не ставит задач, решая которые можно потерять остаток сил. Политический реализм ставит перед собой серьезные и довольно трудные цели, но эти цели, если проанализировать их беспристрастно и объективно, вполне могут быть достигнуты реальными, доступными средствами.

Литература

Fischer M. Machiavelli's Political Psychology // *The Review of Politics*. 1997. Vol. 59, № 4.

Hersy P., Blonchard K.H. Management of organizational behavior. New Jersey, 1972.

Masters R. Machiavelli, Leonardo and the Science of Power. University of Notre Dame Press, 1996.

Morgenthau H.J. Politics among nation. The Struggle for Power and Peace. N.Y.: Knopf, 1984.

Landy M. Culture and Politics in the work of Antonio Gramsci // *Antonio Gramsci: Intellectuals, Culture, and the Party*. Ed. J. Martin. N.Y.: Routledge, 2002.

Service R. Stalin: A Biography. Oxford, 2004.

Walt S.M. International relation. One world, many theories // *Foreign Policy*. 1998. № 110. P. 29–46.

References

Fischer, M. (1997). Machiavelli's Political Psychology. *The Review of Politics*. 59 (4).

Hersy, P., Blonchard, K.H. (1972). Management of organizational behavior. New Jersey.

Masters, R. (1996). Machiavelli, Leonardo and the Science of Power. University of Notre Dame Press.

Morgenthau, H.J. (1984). Politics among nation. The Struggle for Power and Peace. N.Y.: Knopf.

Landy, M. (2002). Culture and Politics in the work of Antonio Gramsci. *Antonio Gramsci: Intellectuals, Culture, and the Party*. In Ed. J. Martin. N.Y.: Routledge.

Service, R. (2004). Stalin: A Biography. Oxford.

Walt, S.M. (1998). International relation. One world, many theories. *Foreign Policy*, 110.

Поступила в редакцию

11 декабря 2018 г.